

Мы можем увидеть здесь такие ментальные установки, как храбрость, брутальность и излишний натурализм, минимальное внимание к деталям быта, конкретику, гиперболизацию, заботу о семье и здоровье всех ее членов. «Красная Шапочка» Перро гораздо в большей степени «облагорожена». В ней намеренно убраны все неприятные и грубые моменты и поставлен акцент на провозглашении добродетелей, которыми должна обладать каждая девушка, желающая достойно предстать в высшем свете. Сказки Ш. Перро — это прекрасные образцы облагороженного народного творчества, которые смогли изменить отношение к фольклору того времени и ввести в мировую литературу «вечные» сюжеты, которые до сих пор остаются актуальными и популярными.

Литература

1. Великие мастера прозы [Электронный ресурс].— Режим доступа : <http://www.proza-masters.ru/tag/yakob-i-vilgelm-grimm>.
2. Бойко, С. П. Волшебная страна Пьера и Шарля Перро / С. П. Бойко.— 2-е изд., испр. и доп.— М., Ставрополь, 2002.
3. Гримм, Я. Красная Шапочка / Я. Гримм, В. Гримм.— М., 2013.
4. Grimm, J. Rotkäppchen [Электронный ресурс] / J. Grimm, W. Grimm // Atramenta.— Режим доступа : http://www.atramenta.net/lire/le-petit-chaperon-rouge/2363/1#oeuvre_page.
5. Воронцова, Т. А. Подлинная история Красной Шапочки / Т. А. Воронцова // Литература.— 2002.— № 44.— С. 2-3.
6. Perrault, C. Le Petit Chaperon Rouge [Электронный ресурс] / C. Perrault // Atramenta.— Режим доступа : http://www.atramenta.net/lire/le-petit-chaperon-rouge/2363/1#oeuvre_page.

О. И. Уланович

Минск, Белорусский государственный университет

Реноминация реалий

в процессе лингвокультурной адаптации текста при переводе

Как инструмент вербального кодирования мира через призму культурно-исторического развития народа, язык отмечен присутствием в нем инкапсулированных культурно-маркированных доминант: акцентов национальной ментальности, морали и нравственности, стереотипов отношений, оценок, поведения, маркеров исторической траектории духовного, социального и экономическо-

го развития нации. Наличие в национальном языке культурно специфических элементов, не представленных ни в другой культуре, ни в другом языке провоцирует явление лакунизации, что актуализирует, в свою очередь, делакунизацию в процессе межкультурной ретрансляции через языковой код культурно-специфических смыслов.

Постижение чужой культуры и элиминация лакун — непростой процесс, неизбежно сопровождаемый потерями культурно-специфичной информации, искажением культурно маркированных образов, которые возникают при ретрансляции фрагментов культуры в процессе диалога культур и языков, воплощением которого является собственно перевод.

Одним из факторов лакунизации выступают различные культурно-специфичные данные (натурфакты, артефакты, ментефакты, социофакты), репрезентируемые в языке безэквивалентной лексикой и реалиями, в частности. Передача реалий при переводе предстает как поиск путей освоения «своим» языком «чужой» реальности, что позволяет обнаружить специфику и стратегии адаптации принимающим языком констант иной культуры.

В лингвистической теории перевода передача реалий рассматривается лишь с точки зрения взаимодействия *L*-реалий языков оригинала и перевода (формальных языковых номинантов), языки сопоставляются по принципу взаимной переводимости, а передача слов-реалий предстает как переход от одной системы знаков к другой.

Н. А. Фененко и ее ученики предложили теорию реноминации для передачи реалий при переводе, основное достоинство которой в учете взаимодействия в процессе перевода трех типов реалий [3]. Помимо *L*-реалий (номинативных средств, образующих словарь конкретного языка) ученые отмечают существование *R*-реалий, обозначающих явления внеязыковой действительности: *артефакты* (объекты, созданные человеком и отмеченные лингвокультурной значимостью) и *натурфакты* (константы природно-географической среды обитания народа), а также *C*-реалий, обозначающих культурно специфичные концепты: *социофакты* (элементы социокультурного контекста жизни общества) и *ментефакты* (аспекты национальной ментальности, духовного бытия народа).

Под реноминацией предлагаем понимать «такое именование в тексте перевода ‘чужих’ реалий средствами ‘своего’ языка, которое воплощается во введении в текст перевода полностью,

частично или условно эквивалентных номинаций иноязычных реалий» [2, с. 155]. По причине нетождественности языкового и концептуального кодирования мира реноминация с той или иной вероятностью и в той или иной степени вызывает: а) преобразование самого денотата (через его замещение или сближение со «своей» реализией), б) преобразование сигнификата (в случае несовпадения областей понятийного содержания знаков-имен в языках оригинала и перевода), в) модификацию (национально-исторического) концептуального пространства реалии-понятия (гипонимия, гиперонимия), и / или г) потерю / приобретение стилистических характеристик реалии (экспрессивность, оценочность, образность, эмотивность).

Механизм передачи реалий как реноминации получает свое точное определение в контексте *когнитивной транслатологии*: задействуются когнитивные структуры сознания, «проводящие анализ и синтез поступающей информации языкового и неязыкового содержания с передачей смысловых трансформаций различного порядка [1, с. 149]. Таким образом, особым достоинством теории реноминации является то, что она, по сути, предлагает новый алгоритм передачи реалий в художественном переводе как *когнитивную* (а не собственно лингвистическую) переводческую процедуру, включающую оперирование не только вербальными номинантами (**L**-реалиями), но и явлениями онтологической реальности — материальными **R**-реалиями (натурфактами и артефактами) и концептуальными **S**-реалиям (социофактами и ментефактами).

В рамках теории реноминации передача реалий предполагает раскрытие сути реалии, анализ реалии как культурно-специфичного явления. С учетом этого выбирается та или иная модель реноминации, реализуемая через определенные переводческие приемы. При этом выбор доминирующих моделей при переводе художественного произведения формирует ту или иную переводческую стратегию в зависимости от интенций переводчика: а) сохранение культурно-исторического своеобразия произведения или же б) лингвокультурная адаптация текста перевода.

Наше исследование особенностей передачи реалий художественного произведения при переводе в рамках теории реноминации Н. А. Фененко направлено на установление доминирующих моделей реноминации через выявление всего комплекса сложных

взаимоотношений иноязычных **L-, C-** и **R-**реалий в тексте оригинала и русскоязычных **L-, C-** и **R-**реалий в тексте перевода.

Материалом исследования послужила историческая сага «Столпы земли» К. Фоллетта — знаменитого современного писателя Великобритании. Выбор материала исследования в пользу этого романа определился благодаря разворачиванию в произведении масштабной панорамы исторических событий средневековой Англии, представленных в сплетении фактов эпохи: кровавая борьба за власть, междоусобные войны знати, интриги высшего духовенства, человеческие судьбы и возведение храма как ключевой хронотоп нарратива. Историческая стилизация воплотилась в активном использовании реалий из самых разных областей существования лингвокультуры: духовенство, религиозная и хозяйственная жизнь монашества, монархический уклад, средневековое рыцарство, торговля, экономика, архитектура и строительство.

Анализ сформированного нами экспериментального корпуса позволил выявить в качестве доминирующей модель реноминации «чужая» **R-реалия** → «своя» **R-реалия**. Механизм реноминации заключается в замене инокультурной R-реалии «своим» денотатом, что ориентировано на разумное снижение насыщенности текста «чужими» реалиями и облегчение понимания произведения: *cell*, *monastery* ‘скит’, *saint* ‘праведник’, *the youngsters* ‘послушники’, *priest’s robe* ‘сутана священника’, *a verderer’s hut* ‘сторожкалесника’.

Активное использование этой модели оказалось возможным в силу того, что именно артефакты и натурфакты (материальные объекты действительности, естественные или созданные человеком) в значительной степени присутствуют в тексте оригинала и формируют исторический и этнокультурный колорит эпохи и лингвокультуры, а также благодаря наличию в англо- и русскоязычной культурах схожих (но не тождественных) реалий, взаимозамена которых при переводе в силу семантической близости позволяет осуществить перевод как «культурный перенос» с максимальным обеспечением «эквивалентного эффекта».

Так, реалия *cell* ‘небольшая обитель, убежище’ передана при переводе как *skut* ‘раскольническая уединенная обитель отшельников-староверов на Руси’. Замещение «чужой» реалии «своим» семантически близким денотатом (но не идентичным) продиктовано стремлением снизить информационное напряжение у читателя, вызванное асимметрией на уровне лексикодов.

Реалия *a verderer's hut*, в которой *verderer* означает 'должность английского судебного чиновника, ведающего королевскими лесами', передана в русскоязычном переводе как *строжка лесника*, апеллируя к имеющемуся в сознании русского человека образу домика лесного смотрителя царских охотничьих угодий на Руси.

The youngsters передано как *послушники*, при этом послушник — лицо в русских православных монастырях готовящееся к принятию монашества; а *monastery* передается как *обитель*, тогда как в русском языке *обитель* не сводится к собственно монастырским стенам, а имеет более широкое символическое значение пристанища для души, тела, духовного очищения, покаяния. *Alehouse* 'пивной ресторан, английская таверна, паб' передается как *трактир* — активно используемое на Руси с петровских врем название гостиницы или постоялого двора с харчевней.

Эти и другие многочисленные примеры свидетельствуют, что модель реноминации «чужая» *R-реалия* → «своя» *R-реалия* реализует переводческую стратегию лингвокультурной адаптации произведения к социо-культурно-исторической реальности и ментальности русскоязычного читателя с целью снижения информационного напряжения.

Воплощающей стратегией лингвокультурной адаптации явилась и модель реноминации концептуальных реалий «чужая» *C-реалия* → «своя» *C-реалия*: *chastity* 'безбрачие', *vow* 'обет', *succession* 'престолонаследие', *gluttony* 'обжорство, чревоугодие'. Замена иноязычной концептуальной реалии «своей» концептуальной реалией (семантически близким понятием) оказывается возможной, опять же, благодаря высокой степени идентичности понятий в лингвокультурах: *chastity* 'безбрачие, целомудрие', *grave sin* 'смертный грех', *jubilation* 'ликование'. При этом англо- и русскоязычные концептуальные реалии не всегда демонстрируют тождественность: *charity* 'подаяние', *hell* 'преисподняя', *confession* 'покаяние', *obedience* 'послушание'.

Так, концептуальные понятия *confession* ('исповедь') и *покаяние* (использованное в переводе) семантически близки, но не идентичны, поскольку в русской культуре *покаяние* — длительный процесс душевного очищения, совершаемый человеком самостоятельно, тогда как *исповедь* — венец покаяния, откровенное признание в присутствии священника. Использование в переводе *C-реалии* *покаяние* вместо *C-реалии* *confession* ('исповедь') явля-

ется вариантом контекстуального соответствия, детерминированного семантикой текстового эпизода и культурной спецификой традиций русской духовности.

Перевод *high mass* как *торжественная литургия* также детерминирован контекстом культуры: *From the other end of the church came the sound of the service of high mass* [5] — 'Из дальнего конца церкви доносились звуки **торжественной литургии**' [4]. Так, литургия как ритуал церковной службы более типичен для обозначения церковного богослужения на Руси, тогда как месса — основная литургическая служба в латинском обряде Католической Церкви.

Тем самым многочисленные случаи внедрения в текст перевода «своей» концептуальной реалии, более употребимой в своей лингвокультуре, реализует стратегию лингвокультурной адаптации при переводе.

Модель реноминации «*чужая*» *R-реалия* → «*чужая*» *L-реалия* имеет место при заимствовании в текст перевода инокультурной реалии вместе с иноязычной лексемой, ее именующей: *Saint Adolphus* 'Святой Адольф', *Kingsbridge* 'Кингсбридж', *Simeon Stylites* 'Симеон Пустынный', *foot rule* 'футовая линейка', *archway* 'проход под аркой', *penny* 'пенс', *tribune gallery* 'верхняя галерея', *capitals* 'капители'. Применение этой модели предполагает использование приемов транскрипции / транслитерации и калькирования как позволяющих транслировать колорит произведения, акцентировать специфику исторической эпохи сюжетного действия: *pint* 'пинта', *Corinthians* 'Коринфяне', *cellarer* 'келарь', *archdeacon* 'архидиакон', *farthing* 'фартинг', *nave* 'неф', *transept* 'трансепт'. Тем самым данная модель реноминации реализует стратегию сохранения культурно-исторического колорита произведения.

В качестве второстепенных при переводе рассматриваемого произведения были выделены следующие модели реноминации реалий.

Модель «*чужая*» *R-реалия* → «*своя*» *развернутая L-реалия* реализуется за счет экспликации реалии в тексте перевода в виде развернутого пояснения с использованием приема описательного перевода (*disciplinarian* 'поборник строгой дисциплины', *almoner* 'раздатчик милостыни'). Реализуемая в данном случае переводческая стратегия лингвокультурной адаптации облегчает восприятие текста.

Модель реноминации реалий «*чужая*» *R-реалия* → «*чужая*» *L-реалия* + «*своя*» *S-реалия* воплощается в привнесении в текст

перевода дополнительных комментариев, которые представлены либо в виде постраничных сносок, либо в формате отдельной рубрики примечаний в конце произведения: *gargoyle* 'горгулья'* (*в готической архитектуре рыльце водосточной трубы в виде фантастической фигуры), *Earlscastle* 'Ерлскастл'* (*графский замок), *bailiff* 'бейлиф'* (*бейлиф — представитель короля, осуществляющий административную и судебную власть) [4].

The priest was elevating the Host over the altar when Tom realized there was something wrong with the horses [5].— 'Когда священник поднял над алтарем **гостию***, Том почувствовал, что с лошадьми что-то случилось' (*«гостия — «жертва» (лат.), маленькая лепешка из пресного пшеничного теста с изображенным на ней распятием или агнецом, употреблявшаяся в обряде причащения» [4]).

Положительным в применении данной модели реноминации является то, что комментарий помогает вскрыть семантику реалии и одновременно избежать чрезмерного загромождения экспликациями внутри самого текста. Данная модель представляет случай рациональной комплементарности обеих стратегий перевода: стратегии сохранения культурно-исторического своеобразия романа и стратегии лингвокультурной адаптации.

Как наименее репрезентативная может быть отмечена модель реноминации «*чужая*» **R-реалия** → «*чужая*» **L-реалия** + «*своя*» **R-реалия**, заключающаяся в поочередном использовании в разных фрагментах текста инокультурной и своей реалий (*mass* 'месса, молебен, литургия'; *priory* 'приорат, монастырь, обитатели монастыря') или парном использовании иноязычной и «своей» **L-реалий** (*squire* 'сквайр-оруженосец', *chancellor* 'лорд-канцлер'). Это модель также интегрирует обе стратегии перевода.

Репрезентативность моделей реноминации и доминирующие приемы перевода позволяют утверждать, что при переводе данного романа доминирующей явилась стратегия лингвокультурной адаптации произведения к социо-культурно-исторической реальности и ментальности русскоязычного читателя. При этом ряд моделей реноминации и приемов перевода позволяют обеспечить достаточную степень сохранения и трансляции культурно-исторического колорита эпохи — контекста сюжетного действия, что вполне обеспечивает возможность русскоязычному читателю сформировать адекватное представление о стилизуемой культурно-исторической реальности. Вероятно, такое пропорциональное

соотношение выступает вариантом оптимальной комплементарности отмеченных стратегий художественного перевода.

Литература

1. Рехме, И. Н. К вопросу о когнитивной сущности понимания как этапа переводческого процесса / И. Н. Рехме // Филологические науки. Вопросы теории и практики.— Тамбов : Грамота, 2013.— № 1 (19).— С. 148–151.

2. Уланович, О. И. Реалии как единицы художественного перевода в контексте теории реноминации / О. И. Уланович // Актуальные проблемы гуманитарного образования : материалы междунар. науч.-практ. конф., 22–23 октября 2015 г.— Минск, 2015.— С.150–156.

3. Фененко, Н. А. Переводоведение: проблемы и решения [Электронный ресурс] / Н. А. Фененко, А. А. Кретов.— Режим доступа : <http://www.km.ru/referats/163D618B51DE4C108EE5F64D33E3D975>.

4. Фоллетт, К. Столпы земли/ К. Фоллетт ; перевод с англ. В. Тетевин, С. Морозов.— М, 2010.

5. Follett, K. The pillars of the earth / K. Follett.— NAL Trade, 2002.

Н. Ю. Фролова

Минск, Белорусский государственный университет

Социокультурная сущность дизайна

Роль и значение дизайна в современной культуре позволяет нам ставить вопрос о необходимости определения сущностных характеристик дизайна как одной из форм культуры. Для этого необходимо выявить основания для его типологии, и исследовать феномен дизайна, определить его культурное значение на разных этапах развития, а также обнаружить его социально-культурные и функциональные свойства в контексте историко-культурной динамики. Здесь надо выделить два уровня условий, которые позволяют обратиться к изучению социально-культурной сущности дизайна.

К первому уровню условий можно отнести глобальные факторы, которые характеризуются противоречивыми трансформациями, в которых возникает главная проблема — проблема красоты и пользы, эстетической и утилитарной ценности вещи. Благодаря росту и развитию производства, сегодня нельзя рассматривать утилитарную полезность вещи в качестве основной ценности. Вещь, выполняющая определенную функцию, в современном об-